Глеб Волков

Враг на троне

Глеб Волков

Враг на троне

«Автор»
2026

Волков Г.

Враг на троне / Г. Волков — «Автор», 2026

Майор Андрей Ратников три года собирал дело против полковника Кречета, торговца оружием. Он очнулся в чужом мире, в теле Тарена Хольма, последнего наследника опального рода, в ту минуту, когда стоял на коленях перед новым королём и приносил присягу.Король наклонился к нему и тихо сказал по-русски: «Ну здравствуй, майор».Кречет попал сюда раньше. Он уже на троне, у него армия, тайная служба и невеста из семьи канцлера. А ещё у него есть план: дать этому миру оружие, какого здесь никогда не знали. Для этого ему нужна долина Хольмов.У Ратникова нет ничего: ни войска, ни денег, ни права на ошибку. Есть одноглазый Бран, верный человек его рода, разорённый замок, где хозяйничают чужие, и умная невеста короля, которая слишком внимательно слушает. И очень мало времени, пока Собрание лордов не решило судьбу королевства.Законченная история. Попаданец, интриги двора, сильный герой и противостояние двух людей из нашего мира.

© Волков Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ну здравствуй, майор 5
Глава 2. Смоляной сток 9
Глава 3. Погоня 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Глеб Волков
Враг на троне

Глава 1. Ну здравствуй, майор

— Ну здравствуй, майор.Эти слова произнёс король, и произнёс их на языке, которого в тронном зале не знал никто. Он сказал их очень тихо, наклонившись к человеку, стоявшему перед ним на коленях. Со стороны казалось, что молодой государь принимает клятву и говорит положенные слова милости.Человек на коленях не вздрогнул, хотя внутри у него всё оборвалось.Ещё минуту назад он не понимал, где находится. Он пришёл в себя посреди чужой фразы, которую его собственные губы выговаривали без запинки. Вокруг стояли люди в тяжёлых плащах, под сводами горели сотни свечей, а герольд выкликал имена. Майор Андрей Ратников двадцать лет учился одному правилу: если не понимаешь, что происходит, не показывай этого и смотри. Поэтому он смотрел.Он успел заметить, что руки у него чужие, молодые, без старого шрама на запястье. Успел услышать, как герольд назвал его Тареном Хольмом, последним из павшего рода Хольмов. Успел понять, что сегодня день присяги, когда наследники опальных домов раз в год встают на колени перед троном и подтверждают свою покорность.А потом король поднялся с трона, чего не делал ни для одного из присягавших, спустился на три ступени и наклонился к нему.Король был молод, лет двадцати пяти, худ и бледен после недавней горячки. Лицо было незнакомое, с тонким носом и светлыми ресницами. Но улыбка на этом лице была знакомой до озноба: одним углом рта, с прищуром, словно человек заранее знает ответ на любой вопрос.

Так улыбался только один человек на свете. Это был полковник Вадим Кречет, которого майор Ратников ловил три года и поймал три дня назад.— Дорога над ущельем, — так же тихо продолжил король. — Крутой поворот. Помнишь, как нас тряхнуло?Ратников помнил. Он помнил серпантин, мокрый от дождя, и Кречета в наручниках на заднем сиденье. Помнил, как тот сказал спокойно, почти ласково: «Ты меня не довезёшь, майор». А через минуту руль дёрнулся влево, хотя дорога уходила вправо, и машина пошла вниз.Его пальцы сами дёрнулись к бедру, туда, где всю жизнь висела кобура. Кобуры не было, был только пояс с пустыми ножнами, потому что присягу дают безоружными. Но король заметил это движение, и улыбка его стала шире.— Кречет, — одними губами сказал Ратников.— Ваше величество, — мягко подсказал король. — Привыкай.Он выпрямился и заговорил уже громко, на языке этой страны, так что голос его разнёсся по всему залу.— Род Хольмов десять лет несёт наказание за измену. Сегодня я являю милость. Тарен Хольм отправляется на южную границу, в почётную службу при крепости Соляной Брод. На рассвете его проводит туда отряд моих егерей.

По залу прошёл гул. Хольмам десять лет не давали ничего, кроме права стоять на коленях, и вдруг такая честь. Седой лорд в первом ряду переглянулся с соседом, а высокая женщина в тёмном платье у подножия трона сжала подлокотник кресла.Ратников склонил голову, как склонил бы её настоящий Тарен Хольм. Внутри у него работал холодный счёт. Кречет никогда не делал подарков, и каждая его милость была ходом, за которым стоял следующий ход....Из зала его вывел за локоть одноглазый старик в потёртой кожаной куртке. Он шёл быстро, молчал до самой галереи, и только там, у пустой ниши, развернул Ратникова к себе.— Что с тобой, мальчик? — спросил он хрипло. — Ты смотрел на короля так, будто видел его раньше. И ты назвал его каким-то птичьим словом, я стоял в пяти шагах и слышал.Ратников молчал секунду, выбирая, сколько правды можно сказать. Старик держался как свой: закрывал его плечом от прохожих и походя проверил, не идёт ли кто следом.— Я с утра сам не свой, — сказал он

наконец. — После сегодняшнего у меня в голове дыра. Я не помню даже, как тебя зовут.Старик выругался сквозь зубы, но, кажется, не удивился.

— Я говорил, что тот удар по голове на вчерашнем учении даром не пройдёт. Бран я. Знаменосец твоего отца, а ныне конюх при королевской конюшне, потому что знамени у нас больше нет. Ты у меня на глазах вырос, Тарен.— Тогда скажи мне, Бран, как маленькому. Что значит эта милость?Бран сплюнул в нишу.— Соляной Брод стоит в пяти днях пути на юг. Сегодня ты дал клятву, а значит, три дня на тебе мир присяги. Пока он действует, никто в королевстве не может поднять на тебя оружие, даже король. Если король нарушит мир присяги, любой лорд вправе сложить с себя верность трону. Этот закон старше самой короны.— А на четвёртый день?— На четвёртый день ты будешь в Гнилых низинах, где на день пути нет ни одной деревни. И поведёт тебя капитан Рэйк, главный королевский егерь. Говорят, он ещё ни разу не довёз до места того, кого ему велели проводить. Дороги у нас опасные, всякое случается.Ратников кивнул, потому что этот почерк знал наизусть. Кречет всегда убирал людей чужими руками, по закону и при свидетелях. Значит, три дня у него есть, а дольше ждать нельзя.— Я не поеду на юг, — сказал он.

— Тогда ты станешь ослушником, и за тобой пошлют тех же егерей, только уже открыто. — Пошлют. Но тогда дорогу буду выбирать я сам.Бран посмотрел на него единственным глазом долго и внимательно, как смотрят на коня, который вдруг заговорил.— Вчера ты бы так не сказал, — заметил он. — Вчера ты бы поехал....У лестницы, ведущей во двор, их остановила девушка. Она вышла из-за колонны так, словно ждала именно их, и Бран тотчас согнулся в поклоне. На ней было тёмно-зелёное платье без украшений, а под локтем она держала свиток, исписанный столбцами цифр.— Леди Сейра Варн, — шепнул Бран. — Дочь канцлера и невеста короля.Она не стала тратить время на приветствия.

— Что он вам сказал? — спросила она, глядя Ратникову прямо в глаза. — Я стояла у трона. Он говорил не на нашем языке, и вы ему ответили.— Почему вы спрашиваете об этом меня, а не своего жениха?— Потому что у меня больше нет жениха, которого я знала. — Она говорила ровно, как читают счёт. — Неделю назад Эдрик лежал в горячке и не мог сам поднять кубок. Три дня назад он открыл глаза. За эти три дня он сменил начальника стражи, завёл какую-то Тихую службу и ни разу не спросил о своих собаках, без которых раньше не садился за стол. А сегодня утром он затребовал у моего отца все записи о серных ключах Волчьего Дола.— Волчий Дол, — повторил Ратников.— Ваша долина, лорд Хольм. Та, что десять лет принадлежит моему отцу. Там нет ничего, кроме вонючих жёлтых источников и пещер с белой солью на стенах. Зачем королю жёлтый камень и пещерная соль?Ратников знал зачем, и от этого знания ему стало холодно. Сера и селитра лежали в одной долине. Человек, который всю жизнь торговал оружием, собирался дать этому миру то, чего здесь ещё не знал никто.— Чтобы делать гром, — сказал он. — Такой, от которого падают крепостные стены.Она не засмеялась. Она только кивнула, словно вписала ещё одну цифру в свой свиток.

— Вы верите мне на слово? — спросил он.— Я верю счёту. Человек не меняется за три дня. Значит, на троне сидит кто-то другой, и вы знаете, кто. — Она шагнула ближе и понизила голос. — Караул у Смоляных ворот меняется в полночь, и между сменами ворота пусты. Уходите. А когда узнаете, как его остановить, найдите способ сообщить мне.Она ушла так же быстро, как появилась. Бран смотрел ей вслед с открытым ртом.— Дочь Варна помогает Хольму, — пробормотал он. — Мир и правда перевернулся....Во дворе их догнал человек в сером плаще без герба, а за ним шли двое стражников.— Лорд Хольм, — сказал он вежливо. — По воле государя вам надлежит сдать перстень рода на хранение в казну. В дальней дороге такая вещь может потеряться.Ратников посмотрел на свою правую кисть. На указательном пальце сидел тяжёлый серебряный перстень с оленем, и до этой минуты он его просто не замечал.

— Без перстня он не Хольм, — процедил Бран. — Без перстня ему на севере не поверит ни один староста.Именно поэтому перстень и забирали. Ратников оценил ход: противник

заранее отрезал ему дорогу домой, о которой сам он ещё не успел подумать. Спорить со стражей было бессмысленно, и он стянул перстень с пальца.— Я отдам его под расписку, — сказал он. — С вашим именем, с сегодняшним числом и с печатью вашей службы. Закон присяги этого требует, не так ли, Бран?— Требует, — без запинки подтвердил старик.Человек в сером поморщился, но достал из сумки дощечку, лист и походную чернильницу. Он написал несколько строк и приложил к воску печать, какую Ратников видел впервые: открытый глаз без ресниц.— Вот тебе и Тихая служба, — сказал Бран, когда серый ушёл. — Трёх дней ей нет, а печать уже есть. Зачем тебе эта бумажка?— В дни мира присяги у меня отобрали знак рода, и отобрали по приказу короля. Теперь это записано его же людьми. Когда-нибудь я спрошу у лордов, как такое называется....

Жили они в каморке над конюшней, куда вела наружная лестница. Ратников поднялся первым и остановился на пороге, потому что в каморке было слишком тепло.Посреди комнаты стояла медная жаровня, полная ярких углей. Рядом на табурете лежали хлеб, сыр и записка с королевской печатью: государь жалует своего нового служилого человека ужином и теплом перед дальней дорогой.— Вот это честь, — сказал Бран и потянулся к хлебу.— Не трогай. И дверь не закрывай.Ратников обошёл каморку. Ставни единственного окна были прикрыты, и когда он толкнул их, они не поддались: снаружи кто-то забил в щель деревянный клин. Он поднял голову к отдушине под потолком, через которую, по словам Брана, всегда тянуло сквозняком. Отдушина была плотно заткнута свёрнутой мешковиной.— Смотри, — сказал он. — Окно заклинено, отдушина забита, а в комнате жаровня с углями. Мы ужинаем, ложимся, закрываем дверь от холода, и к утру нас уже не добудятся.Бран побледнел так, что шрам на его щеке стал тёмным.— Угар, — выдохнул он. — И никто не поднял оружия. Мир присяги цел, а Хольм просто угорел у жаровни, как последний дурак.

— Он не стал ждать четвёртого дня, — сказал Ратников. — Он знает, что про дорогу я догадаюсь, и знает, что догадаюсь быстро.В этом и состояла беда. Кречет помнил, на что способен майор Ратников, и не собирался давать ему ни одного лишнего дня. Каждый ход, который Ратников только обдумывал, противник уже сделал вчера. Значит, действовать надо было не так, как поступил бы майор.— Собирайся, — сказал он. — Мы уходим сейчас, а не в полночь.— Леди сказала, что в полночь ворота пусты.— Если это знает она, это знает и он. Что тут есть, кроме ворот?Бран подумал.— Смоляной сток. Это старый жёлоб, по которому раньше спускали бочки к реке. Он узкий и грязный, и я лет двадцать по нему не лазил.— Годится.

Они скатали из одеял и соломы два продолговатых свёртка и уложили их на лежанки. Жаровню Ратников оставил гореть, а дверь прикрыл, как прикрыл бы её человек, который ложится спать. С собой они взяли хлеб из запасов Брана, два плаща и топор, потому что другого оружия у конюха не было....Они уже спустились во двор и стояли в тени сенного сарая, когда в ворота конюшенного двора вошли люди. Их было шестеро, в тёмно-зелёных куртках егерей, и шли они без факелов.— Рано, — шепнул Бран. — До рассвета ещё полночи.— Они пришли не провожать. Они пришли проверить, крепко ли мы спим.Впереди шёл высокий человек с короткой бородой. Он двигался легко и бесшумно, ставя ногу с носка, и Ратников отметил это сразу: так ходят не охотники, так ходят разведчики.— Рэйк, — одними губами выговорил Бран.Капитан остановился у подножия лестницы, что вела к каморке. Он посмотрел вверх, на закрытую дверь, из-под которой сочился тёплый свет, и прислушался. Егеря за его спиной двинулись было вперёд.

Тогда Рэйк, не оборачиваясь, поднял правую руку, согнутую в локте, и сжал кулак.Егеря замерли на месте, все пятеро разом.Ратников почувствовал, как у него похолодел затылок. В этом мире команды отдавали голосом, рогом или взмахом клинка. Сжатый кулак над плечом, означающий «стой, замри», он сам показывал своим людям тысячи раз, в горах и в городе, ночью и днём. Этому знаку не было места под здешним небом.Рэйк разжал кулак, показал двумя пальцами на лестницу и на окно, и двое егерей беззвучно разошлись в указанные сто-

роны.— Чего ты встал? — прошептал Бран. — Идём, пока они смотрят на дверь.Ратников заставил себя отвести взгляд и шагнуть за угол сарая, к чёрной дыре Смоляного стока. Он шёл и считал, как считал всегда. В машине над ущельем их было трое: он сам, Кречет на заднем сиденье и водитель за рулём.Кречет стал королём, а сам он стал наследником павшего рода.А третий, выходило, только что стоял в двадцати шагах от него и командовал теми, кого послали убедиться, что Тарен Хольм больше не проснулся.

Глава 2. Смоляной сток

Смоляной сток оказался уже, чем обещал Бран. Это был каменный жёлоб в рост человека, который уходил вниз под крепостную стену, и дно его за много лет покрылось чёрной коркой старой смолы. Они спускались на спине, упираясь пятками и локтями, а сверху на них сыпалась труха.— Дальше решётка, — прошептал Бран. — Её ставили от воров, когда я был ещё мальчишкой.Решётка нашлась там, где он сказал. Прутья её проржавели, но держались крепко, а за ними в темноте шумела река. Ратников ощупал камень вокруг и нашёл то, что искал: прутья сидели не в кладке, а в дубовой раме, разбухшей от сырости. Он взял у Брана топор и бил не по железу, а по дереву, коротко и глухо, обмотав обух плащем.На десятом ударе рама треснула. На двенадцатом решётка подалась и повисла на одном углу.И в тот же миг наверху, над самой стеной, ударил колокол.— Хватились, — выдохнул Бран. — Быстро же он догадался, что свёртки на лежанках не дышат.— Быстро, — согласился Ратников и протиснулся в щель.

...Жёлоб выплюнул их на каменный выступ над водой. Река под крепостью была широкой и чёрной, с быстрым течением, и в ней отражались огни, которые один за другим вспыхивали на стене. Слышно было, как наверху кричат стражники и хлопают двери.Вдоль берега тянулись мостки с привязанными лодками рыбаков. Бран бросился к ближайшей, но Ратников удержал его за плечо.— Не эту, Бран. Отвяжи все, какие успеешь, и пусти их по течению.— А зачем их отвязывать?— Когда они выбегут на берег, то увидят пустые мостки и дюжину лодок, которые плывут вниз по реке. Им придётся ловить каждую.Бран хмыкнул, достал свой короткий тесачок, которым резал упряжь, и пошёл по мосткам, перерезая верёвки. Лодки одна за другой отходили от берега, разворачивались и уплывали в темноту. Себе они оставили самую маленькую, плоскодонку с одним веслом.Но поплыли они не вниз, а вверх, против течения, вдоль самой стены, где на воду ложилась густая тень.

Грести против реки было тяжело. Ратников работал веслом, а Бран сидел на дне и отталкивался от камня руками, чтобы лодку не сносило. Над ними, совсем близко, пробегали стражники с факелами, и свет скользил по воде в двух шагах от борта.— Лодки! — закричал кто-то на стене. — Все лодки ушли вниз!— За ними! — отозвался другой голос. — Берегом, к Нижней пристани!Шаги и факелы потекли вниз по течению. Ратников продолжал грести вверх, пока стена не кончилась и над водой не нависли ивы....Они выбрались на берег за городской чертой, у старой мельницы с проломленным колесом. Бран сел на мокрую траву и несколько минут просто дышал.— Если б ты знал, мальчик, сколько мне лет, — сказал он наконец.— И сколько же тебе?

— Пятьдесят семь, мальчик. В такие годы по стокам не лазят. — Он вытер лицо рукавом. — Куда теперь?Ратников уже думал об этом. У него не было карты, но был Бран, который знал эту землю наизусть.— Расскажи мне дороги, — попросил он. — Все, что ведут от столицы.Бран рассказал всё, что помнил. На юг шёл большой тракт к Соляному Броду, широкий и людный. На запад уходили купеческие дороги к портам. На север вели две тропы: старая, через Каменный мост, и лесная, через броды на Серой реке. Обе они сходились у перевала, за которым лежал Волчий Дол.— Нас будут искать на севере, — сказал Бран. — Куда ещё бежать Хольму, как не домой?— Поэтому сначала мы пойдём на юг....До рассвета они шли по тракту на юг, и Ратников делал всё, чтобы их запомнили.

У перекрёстка он постучал в окошко сторожки и спросил у сонного старика, далеко ли до Соляного Брода. У придорожного колодца он «случайно» оставил на срубе обрывок плаща Брана. У постоялого двора они купили у конюха хлеб и дважды сказали друг другу, громко и с досадой, что до южной границы ещё пять дней пути.— Ты нарочно шумишь, — заметил Бран, когда двор остался позади.— Да, нарочно. Пусть думают, что Хольм скачет к Соляному Броду, чтобы явиться туда раньше конвоя и показать свою покорность. Так поступил бы испуганный

мальчик.Милей дальше они сошли с тракта в ручей и шли по воде почти час, пока ручей не вывел их к берёзовой роще. Оттуда лесная тропа поворачивала на север. Ратников начертил на земле веточкой, где они и куда идут, и Бран, глядя на эти линии, впервые за ночь улыбнулся.— Так меня учил твой отец, — сказал он. — Обманывать на развилках. Откуда ты это знаешь, если ничего не помнишь?— Некоторые вещи голова помнит сама....К полудню они дошли до холма, с которого был виден южный тракт. Ратников лёг в траву на гребне и смотрел вниз долго, не шевелясь.

По тракту на юг шёл отряд. Человек двенадцать всадников в зелёных куртках егерей, на хороших конях, рысью. Они остановились у постоялого двора, и конюх что-то долго объяснял им, махая рукой в сторону юга.— Клюнули, — с удовлетворением сказал Бран. — Сейчас поскачут.Всадники действительно поскакали на юг, подняв облако пыли. Но не все. Пятеро остались у двора, и один из них, высокий, с короткой бородой, спешился и пошёл не к конюху, а к колодцу.Ратников видел, как Рэйк присел у сруба, как поднял обрывок плаща и повертел его в руках. Потом капитан выпрямился и посмотрел вдоль тракта, на юг, куда ушли его люди, а затем на север, туда, где за рощами пряталась лесная тропа.Он смотрел на север долго.— Он не поверил, — тихо сказал Ратников.— Ты про Рэйка? Да он же отправил своих на юг.— Отправил тех, кого не жалко. А сам остаётся, смотри.

Рэйк вернулся к людям у двора и что-то сказал им. Пятеро всадников развернули коней и поехали не на юг и не на север, а прямо по тракту назад, к столице, и там, у перекрёстка, свернули на старую дорогу через Каменный мост.Бран грубо выругался сквозь зубы.— Он пойдёт нам наперерез. Откуда он знает?— Он знает, потому что на моих уроках сидел в первом ряду, — сказал Ратников и сам удивился, что произнёс это вслух.Бран покосился на него странно, но ничего не спросил....Ратников лежал в траве и думал о Косте Лунёве.Сержант Лунёв, позывной Лунь, служил у него водителем и связистом четыре года. Он был точным, спокойным, немногословным, никаких ошибок за ним не водилось. Ратников сам учил его читать следы и сам рассказывал про ложный след у развилки. Если Лунь здесь, в теле капитана Рэйка, он знает все его привычки. Он знает, что майор никогда не идёт туда, где оставляет след.

Но был и другой вопрос, поважнее. Почему Лунь служит Кречету?Ратников вспомнил ту секунду в машине, когда руль дёрнулся влево. Он тогда решил, что Лунь не справился на мокрой дороге. А если Кречет очнулся здесь первым и первым нашёл Луня, он мог рассказать ему что угодно. Мог сказать, что майор Ратников стал тут врагом короля. Мог сказать, что домой можно вернуться, если служить верно.— Ты о чём думаешь? — спросил Бран.— О том, что у меня здесь, кажется, есть старинный знакомый. И я пока не знаю, друг он мне или нет.— Наша жизнь такая, — пожал плечами Бран. — У Хольмов друзей мало, а знакомых много....Вечером они вышли к Серой реке. Река была мелкой, с каменистым дном, и в трёх местах её можно было перейти вброд. Бран хотел идти к верхнему броду, самому удобному, но Ратников остановил его и сел на край обрыва, глядя на противоположный берег.Там было тихо. Шумела вода на камнях, кричала в камышах птица. И только над верхним бродом, в кустах ольхи, ни одна птица не садилась.

— Там засада, — сказал Ратников.— С чего ты взял?— Птицы её обходят. И посмотри на тропу: трава примята, а потом зачем-то поправлена руками. Так поправляют те, кого учили.Бран присмотрелся и медленно кивнул.— Значит, он успел. Через Каменный мост и вдоль реки. Но почему он ждёт нас именно здесь, а не у моста?— Потому что мост он перекрыл очень заметно. Он хотел, чтобы мы это увидели и пошли к бродам. — Ратников поднялся. — Он думает так же, как я. Значит, мне надо подумать иначе.Он постоял ещё минуту, а потом развернулся и пошёл не к бродам и не к мосту, а вниз по течению, туда, где Серая река разливалась болотом и где ни один разумный человек не стал бы искать переправу.— Там нет брода, — сказал Бран ему в спину.

— Знаю, что нет. Поэтому там нет и Рэйка.Они шли по болоту всю ночь, по пояс в ледяной воде, нащупывая дно шестом, и выбрались на тот берег, когда небо уже серело. Бран дрожал всем телом и ругался без передыху. Ратников развёл костёр в овраге, чтобы дым ушёл в низину, и они сушили одежду, пока не взошло солнце.Костёр пришлось залить раньше, чем они успели согреться. Со стороны реки донёсся рог, короткий и резкий, а потом ещё один, и на противоположном берегу показались всадники. Их было пятеро. Они ехали вдоль края болота медленно, шагом, и передний наклонялся с седла, разглядывая воду у берега.Ратников лёг на дно оврага и потянул Брана за собой. Сквозь стебли осоки он видел, как передний всадник остановился там, где они ночью вошли в воду. Это был Рэйк. Он долго смотрел на взбаламученную грязь у края воды, потом поднял глаза и обвёл взглядом весь тот берег, где сейчас лежали беглецы.Его взгляд прошёл по оврагу и не остановился. Капитан пожал плечами, бросил что-то своим людям, и вся пятёрка повернула коней вверх по реке, к бродам.— Ушли, — прошептал Бран.— Они не ушли. Он просто решил, что по такому болоту за ночь не пройти. Днём он вернётся сюда с собаками.— Тогда и нам пора.

Они натянули сырую одежду и пошли на север, через вересковые холмы, туда, где на горизонте уже синели горы.Первый день мира присяги кончился. Осталось два.

Глава 3. Погоня

Собак они услышали за полдень, когда уже поднялись на первую гряду холмов. Лай доносился снизу, от болота, сначала редкий и неуверенный, а потом дружный и звонкий, как бывает, когда свора берёт след.— Две собаки, — определил Бран, наклонив голову. — Гончие, не борзые. Болото они прошли по нашему следу, хотя мы шли по воде. Хороший у Рэйка псарь.— Сколько с ними людей?— Если Рэйк поверил, что мы здесь, то вся пятёрка. Если не поверил, то один псарь, чтобы проверить.Ратников огляделся. Холм был голым, покрытым вереском, и только у самой вершины торчали из земли серые каменные зубья, похожие на развалины забора. Между ними вилась узкая тропа, протоптанная овцами.— Бран, у тебя есть что-нибудь, что пахнет нами сильнее, чем наша одежда?Старик подумал и вытащил из-за пазухи свиток вяленого мяса, завёрнутый в тряпку.

— Вот это. Я его две недели ношу на теле.— Отдай.Ратников разорвал тряпку на полоски и прошёл по овечьей тропе вперед, между камнями, а потом вернулся, ступая в свои же следы. Полоски он развешал на кустах вереска вдоль тропы, а само мясо зажал в щели между двумя высокими валунами в самом узком месте прохода.— Собаки выведут псаря сюда, — сказал он. — А тут он останется без друзей, потому что верхом меж этих камней не проедешь.— А если их пятеро?— Тогда мы уйдём верхом по гребню, и они потеряют полдня, вытаскивая собак из щели.Они легли за валунами и стали ждать....

Псарь пришёл один. Он был совсем молодой, лет восемнадцати, с рыжими вихрами и веснушками, и держал двух пятнистых собак на одной своре. Лошадь он оставил внизу, у подножия холма, и поднимался пешком, то и дело поскальзываясь на камнях.Собаки бросились к щели между валунами, заскулили от восторга и принялись рыться у камня. Псарь дёрнул свору, ругнулся и наклонился посмотреть, что они там нашли.Ратников шагнул из-за валуна и одним движением заломил ему руку за спину. Рыжий парень охнул и упал на колени. Бран подхватил свору и сунул собакам ещё кусок мяса, и те, забыв обо всём на свете, улеглись грызть его на тропе.— Не кричи, — сказал Ратников. — Твой рог у меня. Твоя лошадь внизу, и сейчас она станет моя. Ответишь на вопросы, и пойдёшь домой пешком. Не ответишь, и пойдёшь домой всё равно, но очень не скоро.Парень глядел на него снизу вверх с такой смесью страха и любопытства, что Ратников едва не улыбнулся.— Вы ведь Хольм, — сказал рыжий. — Капитан говорил, что вы пойдёте по болоту. Никто не поверил, а он говорил.— Как тебя зовут?— Дик, милорд. Дик из Нижних Выселок.

— Где сейчас твой капитан, Дик?— У верхнего брода, милорд. Он велел мне пройти вашим следом и, если найду, протрубить два раза. А сам с остальными сторожит тропу на перевал.Ратников кивнул. Рэйк сделал то же, что сделал бы он сам: не тратил людей на погоню, а закрыл единственную дорогу, куда беглецам всё равно придётся выйти....Они спустились к лошади псаря. Это была крепкая гнедая кобыла с короткими ногами, без седла, только с попоной и перемётной сумой. В суме нашлись овсяные лепёшки, фляга с водой, огниво и кошелёк.Бран развязал кошелёк и высыпал на ладонь несколько монет. Он посмотрел на них и нахмурился.— Это что ещё за чеканка?Монеты были новые, яркие, без единой царапины. На лицевой стороне был выбит профиль молодого короля, а на оборотной тот самый открытый глаз без ресниц, который Ратников видел вчера на печати Тихой службы.

— Это жалованье, милорд, — сказал Дик, перехватив его взгляд. — Нам теперь платят из Тихой службы, а не из казны. Вдвое больше прежнего, и заплатят ещё, если капитан доволен.— Чем доволен?— Ну, — парень замялся. — Тем, что велено сделать, то и делаем.— А что велено сделать тебе вчера вечером, Дик?Рыжий покраснел так густо, что веснушки исчезли. Он отвёл глаза, и Ратников понял, что попал.— Клинья, — пробормотал парень. — Капитан велел забить клин в ставни каморки над конюшней. Сказал, что ставни там стучат на ветру

и мешают государю спать. А ещё заткнуть отдушину мешковиной, потому что из неё дует. Я забивал. Я же не знал...Он запнулся и не договорил.— Не знал, что там будет жаровня, — закончил за него Ратников.

Дик кивнул, не поднимая глаз.— Я понял, когда увидел, как капитан слушает у двери, — сказал он тихо. — Он слушал, дышат ли там. Я понял и испугался. Я из Нижних Выселок, милорд, у нас старая бабка так угорела.Бран посмотрел на Ратникова, и в единственном глазу его было то же, что почувствовал сам майор. Рэйк не просто служил королю. Рэйк сам слушал у двери....— Капитан тебе этого не простит, — сказал Ратников. — Ты знаешь про клинья. Ты видел, как он слушал. Если ты вернёшься к нему и скажешь, что упустил меня, тебе заплатят из Тихой службы в последний раз.Дик побледнел. Он, кажется, сам уже думал об этом, но не решался сказать вслух.— Что же мне делать, милорд?— Идти со мной. Ты умеешь ходить по следу и смотреть за собаками, а мне нужен человек, который знает, как думают егеря. И ещё мне нужен человек, который однажды скажет лордам то, что сказал сейчас мне.

— Лордам? — Дик вытаращил глаза.— Лордам, — подтвердил Ратников. — Не сейчас. Но когда-нибудь скажешь.Парень посмотрел на Брана, на собак, которые всё ещё грызли мясо на тропе, на свою гнедую кобылу. Потом посмотрел на юг, туда, где у верхнего брода ждал его капитан.— Ладно, — сказал он. — Всё равно мне дома не жить....Вечером они сидели в пустой пастушьей хижине на склоне горы. Огня не разводили. Собаки спали у двери, а Дик, сидя на пороге, рассказывал всё, что знал, торопливо и сбивчиво, как рассказывают люди, которые давно хотели с кем-нибудь поговорить.Он рассказал, что Тихая служба появилась три дня назад, в тот же день, когда государь встал после горячки. Что в неё берут людей с улиц и из казарм, платят новой монетой и ничего не объясняют. Что капитан Рэйк раньше был у них обычным сотником, тихим и пьющим, а неделю назад вдруг бросил пить, стал говорить коротко и странно и первым же делом научил всех егерей понимать знаки рукой.— Какие знаки?

— Ну вот, — Дик поднял сжатый кулак над плечом. — Это значит стоять и не дышать. А вот так, двумя пальцами, значит обойти. Таким раньше никто не пользовался. Капитан говорит, что так быстрее, чем кричать.Ратников знал, что так быстрее, потому что сам когда-то учил этому сержанта Лунёва.— А ещё что? — спросил он.— Ещё обоз. — Дик почесал рыжий затылок. — Позавчера из столицы на север ушёл большой обоз. Шесть возов, на них котлы, литые формы и бочки. При обозе мастера из королевских мастерских и сам государев алхимик, старый Ольвен. А охраняют их наши, два десятка егерей. Говорят, едут в Волчий Дол, но зачем туда котлы, никто не знает.Ратников и Бран переглянулись.— Позавчера, — повторил Ратников. — Значит, обоз вышел ещё до присяги. Он знал, что я сбегу, и знал, куда.— Кто знал? — не понял Дик.— Государь.

...Когда Дик уснул, Бран вышел за порог и сел рядом с Ратниковым на каменную ступеньку. Над горами высыпали звёзды, крупные и холодные.— Ты ведь не Тарен, — сказал старик вдруг, не глядя на него.Ратников ничего не ответил.— Тарен был добрый мальчик, но слабый, — продолжил Бран так же спокойно. — Он боялся темноты до двенадцати лет и плакал, когда уезжал из дома. Он бы не догадался про жаровню. И не пошёл бы через болото. И не стал бы допрашивать рыжего мальчишку так, что тот сам себя выдал. Ты ходишь, как его отец, а думаешь, как человек, который всю жизнь на войне.— Ты был знаменосцем, Бран. Что ты сделаешь, если я скажу, что ты прав?Старик долго молчал.— Хольмы пали не потому, что были слабыми, — сказал он наконец. — Они пали, потому что их предали. Если в теле последнего Хольма теперь живёт кто-то, кто умеет не дать себя предать, мне всё равно, откуда он взялся. Я пойду за ним.

Ратников посмотрел на него и увидел, что старик не шутит.— Моё настоящее имя Андрей, — сказал он тихо. — Но здесь я буду Тареном, пока не верну ему его долину.Бран кивнул, как кивают, когда лошадь наконец берёт барьер.— Тогда спи, Тарен. Завтра третий день мира присяги, а обоз идёт к Волчьему Долу. Если мы его не обгоним, твою долину отбе-

рут второй раз, и теперь уже навсегда....Рассвет они встретили на восточном склоне, в двух верстах от хижины. Ратников поставил Дика на край останца, откуда звук разносится по всей долине, и дал ему в руки его же рог.— Два раза, — сказал он. — Как велел капитан. Громко и радостно, как человек, который нашёл беглецов и хочет первым получить награду.— А если он догадается?

— Догадается, но не сразу. Ему придётся проверить, потому что если он не проверит, а мы и правда здесь, его спросят, почему он не пришёл на сигнал. На это у него уйдёт полдня.Дик набрал воздуха и протрубил. Два долгих хриплых звука покатились по склонам, отразились от скал и ушли куда-то вниз, к реке. Собаки, привязанные к кусту, залаяли в ответ, и Ратников дал им лаять.Потом они оставили собак на привязи у останца, чтобы те лаем держали место, и быстро ушли на запад, в обход горы.Через час с гребня они увидели, как пятеро всадников рысью идут по восточному склону к останцу, откуда всё ещё доносился собачий лай. Тропа на перевал, которую они стерегли, была пуста.— Он всё равно поймёт, что это ты, — сказал Бран.— Пусть понимает. Важно не то, что он поймёт, а то, когда.Они вышли на тропу и пошли к перевалу, ведя гнедую кобылу в поводу. К полудню перевал остался позади, и перед ними открылась широкая долина, на дне которой блестели крыши деревни, а над ними поднимался чёрный дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.